Кофе по-Ставинскому

Ольга ДОЛГОШАПКО

Очерк из книги «Госпиталь, которого не было…»

Почему всё не так? Вроде, всё, как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух, и та же вода.
Только он не вернулся из боя…
В.Высоцкий

Он пришёл к нам в один из первых дней после открытия госпиталя. Мужчина среднего роста, с очень добрым взглядом внимательных светло-карих глаз и своей очаровательной улыбкой. От него веяло спокойствием и уверенностью:

– Здравствуйте! Разрешите представиться – Константин Сергеевич Ставинский, врач кардиореаниматолог. – Он улыбнулся и протянул руку. – Вам реаниматологи нужны? Ну, или хотя бы терапевты?

– Конечно, ещё как нужны! – обрадовался наш главный врач Андрей Викторович Гужель. – Вы нам нужны, как воздух! А то у нас на сегодня три хирурга, два анестезиолога, один педиатр и ни одного терапевта.

– Тогда ведите меня к больным. Кого смотреть надо в первую очередь?

И ни слова об условиях работы, об оплате труда, о каких-то там льготах. На первом месте, как у истинного врача, у Константина Сергеевича всегда были пациенты. Вначале он смотрел самых тяжелых, затем – тех, кто поступил за ночь, а потом уже всех остальных. Он ходил с нами на обходы во все палаты, у всех пациентов спрашивал о сопутствующей соматической патологии, что-то записывал в свой блокнотик, а потом подходил к каждому раненому или контуженному бойцу и подолгу с ним беседовал, кому нужно – делал ЭКГ, а потом в ординаторской учил молодых коллег, как правильно читать эти кардиограммы. Так у нас в госпитале появился первый терапевт и кардиолог одновременно.

На тот момент мы даже не знали, что Константин Сергеевич – кандидат медицинских наук, он никогда не кичился этим. Но зато в редкие минуты передышки очень любил рассказывать о своем увлечении альпинизмом. Все его «горные» истории всегда были веселыми. Даже если начало истории было печальное, то в конце Костя с таким юмором обыгрывал эту ситуацию, что вся ординаторская надрывала животы от смеха.

А ещё с приходом доктора Ставинского в нашей ординаторской появился удивительный запах кофе. Того самого, ни с чем не сравнимого кофе по-Ставинскому, который заваривал только Константин Сергеевич. Что в нём особенного, спросите вы? О, это был целый ритуал. Кофе заваривался в особой турке без ручки, вместо ручки турку держал корнцанг – специальный медицинский инструмент, который подчёркивал профессиональную принадлежность хозяина. Варился кофе не на газовой печке, и не на электрической, а на специальной газовой горелке, которую, как неотъемлемый компонент, Костя везде возил с собой: и на работе, и в походах, и теперь у нас в госпитале кофе он варил только таким образом. Ну и, конечно, особый рецепт, который Костя тщательно скрывал от всех, но зато очень радушно всегда угощал своих коллег и друзей.

Действие этого волшебного напитка я испытала на себе и запомнила его на всю жизнь.

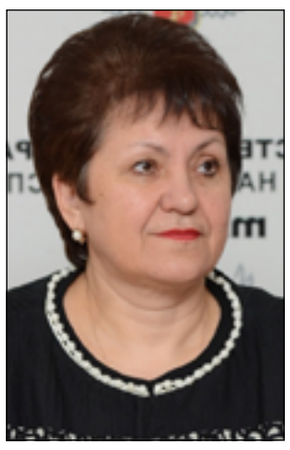
Дело было в июле месяце. Раненые к нам поступали каждый день, много было тяжелых, после минно-взрывной травмы, с множественными поражениями не только мягких тканей, но и конечностей, костей таза, грудной клетки и т.д. Не всех таких раненых принимала наша Областная травматологическая больница. А многих просто сразу с поля боя везли к нам в госпиталь, потому что знали – здесь никому и никогда не откажут в помощи. Но не всё, к сожалению, было в наших силах. Во-первых, наш госпиталь расположился в мало приспособленном для этого здании: в нем не было даже полноценной операционной, такой, как в обычном хирургическом отделении. Во-вторых, среди нас не было высококвалифицированных травматологов. Конечно, мы лечили и открытые, и закрытые переломы, и выхаживали раненых после операций, но вот сложные травматологические вмешательства мы не выполняли. И в-третьих, у нас не было ни специальных инструментов, ни специального оборудования для таких операций.

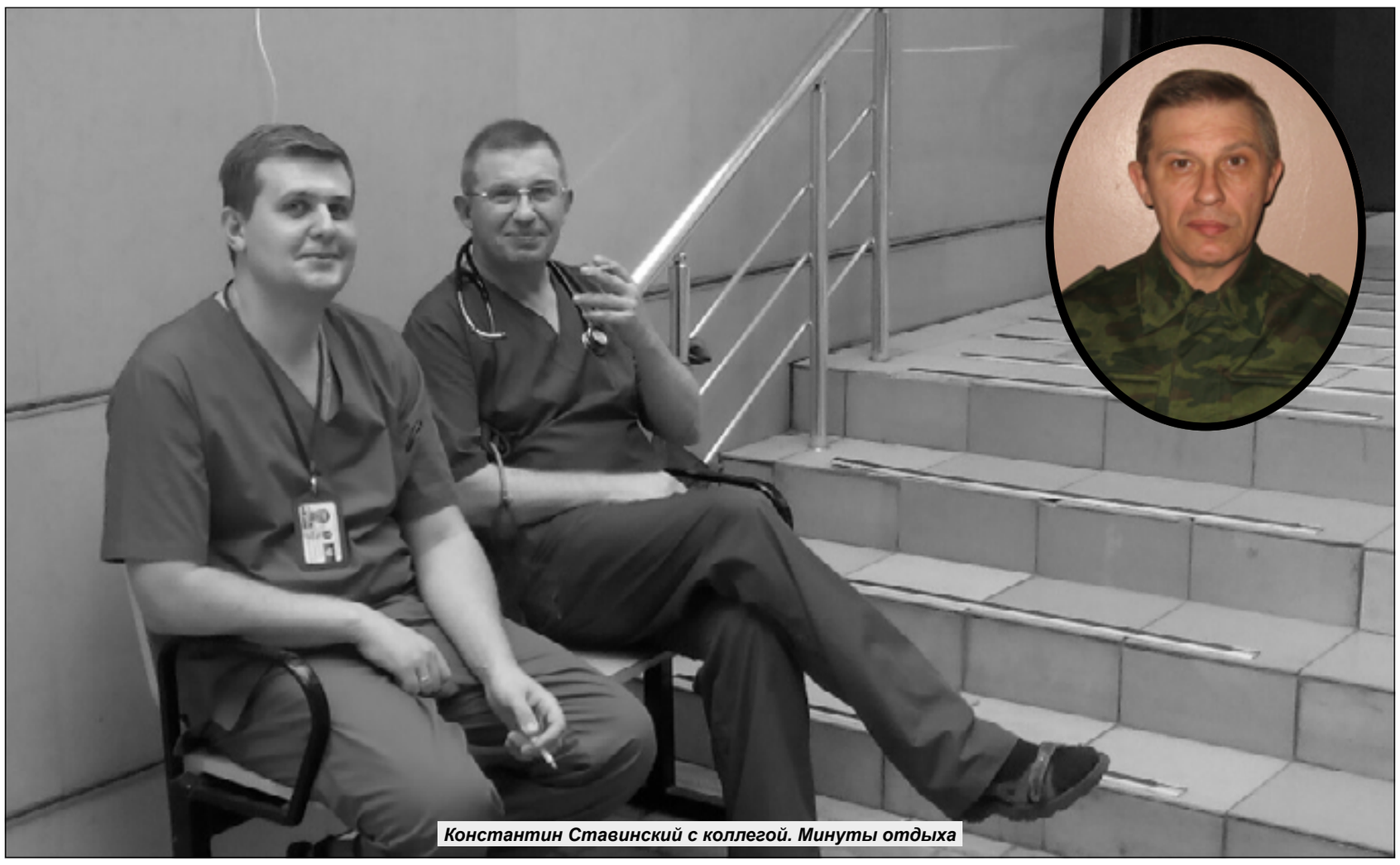
Поэтому наиболее тяжелых и сложных пациентов мы отправляли на лечение в Россию. Заранее составляли списки раненых для отправки в госпитали РФ, готовили для них транспорт, выделяли медработников для сопровождения и обязательно – группу охраны из числа разведчиков Скифа или выздоравливающих легкораненых наших пациентов.

Поскольку боевые действия полыхали по всем направлениям, а кольцо вокруг Донецка с каждым днем всё сильнее сжималось, единственной дорогой, по которой мы могли отправить раненых «за ленточку», была дорога через Успенку, да и та простреливалась укроповскими снайперами на довольно большом расстоянии. Все мы помним фотографии с сожженными легковыми автомобилями с мирными жителями, автобусами с детьми – всё это зверство со стороны украинской армии. А тут – целая колонна автотранспорта с ранеными. Как правило, ехали два-три автобуса «Бориса» с сидячими ранеными, две-три «скорых помощи» с лежачими (тяжелыми) и их сопровождали две «легковушки» с охраной (одна – впереди, другая – сзади), чтобы защитить всех в случае обстрела снайперами.

В таких условиях нужно было постараться как можно быстрее и незаметнее проскочить опасный участок дороги, чтобы не попасть под снайперский огонь. Самым лучшим временем для этого были предрассветные часы. Поэтому мы отправляли колонну с ранеными из госпиталя в 3.00-3.30 ночи. Когда они подъезжали к опасному участку дороги, начинало светать. Все наши машины выключали фары и дальше двигались с выключенными фарами вслед за передней машиной с охраной практически до самой границы. Несколько раз наши колонны попадали под обстрел, но всё обходилось без жертв. Наверное, Господь охранял наших раненых в пути. Да и мы молились за них до тех пор, пока весь транспорт и все сопровождавшие не возвратятся назад в госпиталь.

В ту июльскую ночь мы отправляли три автобуса и две «скорых помощи» с ранеными в Россию. Госпиталь не спал всю ночь. Мы готовили раненых к отправке: меняли повязки перед дальней дорогой, обезболивали ребят, писали им эпикризы; кухня загружала в автобусы «тормозки» и воду в дорогу; сопровождающие медработники проверяли комплектацию своих сумок с медикаментами. А когда всё было готово, мы все вместе помогали нашим ребятам спуститься к автобусам. Поскольку лифта у нас в госпитале не было, поэтому кому-то подставляли плечо, что-бы удобнее было спуститься на костылях по лестнице со второго или третьего этажа, кого-то сносили на руках, кого-то – на носилках. Причём, в этот момент не было никакой разницы – врач ты или санитар, или водитель, – все были одной дружной семьей. Провожали наших раненых всем госпиталем. И когда уже последняя машина скрылась за воротами, мы подумали: «Вот теперь можно и отдохнуть».





Константин Ставинский с коллегой. Минуты отдыха

Медперсонал разошелся по своим палатам – комнатам, в которых многие просто жили. А мы с Константином Сергеевичем зашли в ординаторскую, чтобы дописать кое-что в истории болезни. Вот тут и поступило от него заманчивое предложение:

– Ольга Николаевна, мы с вами только что так хорошо поработали. А не хотите ли вы для восстановления сил испить моего фирменного кофейку?

На часах было 3.30 то ли ещё ночи, то ли уже утра, ужинали мы где-то в 19.00 вчера (если вообще ужинали, не помню!), и я, уже представив себе этот неповторимый аромат кофе по-Ставинскому, радостно согласилась:

– Дорогой мой Константин Сергеевич! Я столько раз слышала восторженные отзывы о вашем несравненном кофе, но вот ни разу его не пробовала.

– О, сейчас мы исправим эту историческую несправедливость, – отозвался Константин и достал свою знаменитую турку с ручкой-корнцангом и горелку.

Я имела счастье наблюдать весь процесс приготовления кофе по-Ставинскому. Когда этот божественный напиток был готов, он разлил его в чашки, и мы пили мелкими глотками и говорили. О жизни, о медицине, о науке. И о войне. Константин Сергеевич сетовал, что от него мало пользы здесь, в госпитале, вот на передовой он был бы нужнее. А я доказывала ему, что на передовой он спасет несколько жизней, а в госпитале, с его опытом и знаниями, он может помочь сотням и тысячам раненых.

Так за кофе и разговорами мы не заметили, как за окном начало светать.

Поблагодарив Костю за чудесный кофе, я решила пойти немного поспать, пока есть такая возможность, пока не привезли новых раненых. Какая наивность! После кофе по-Ставинскому я была бодра и полна сил, как никогда. Спать не хотелось совершенно! В госпитале стояла такая тишина, все мои коллеги и наши пациенты сладко спали, на госпитальном дворе было тихо-тихо. И только один человек не мог уснуть в это раннее утро – это я…

Хорошо запомнив эффект этого кофе, каждый раз, когда нужно было не спать всю ночь или после бессонной ночи еще долго работать в операционной или перевязочной, я просила Костю заварить мне его «фирменный» напиток.

С каждым днём раненых поступало все больше и больше. Причём, это были не просто раненые, среди них много было контуженных, которые требовали одновременного обследования и лечения и у терапевта, и у невропатолога, и у ЛОР-врача. Слава Богу, все эти специалисты у нас были. Многие ополченцы (а в Народное ополчение шли люди разного возраста) имели хронические заболевания (язвенную болезнь желудка или 12-перстной кишки; гипертоническую болезнь; хронический холецистопанкреатит; сахарный диабет и другие), которые из-за постоянных стрессовых ситуаций обострялись и требовали стационарного лечения. Кроме этого, с наступлением августа жара спала, ночи стали прохладными, и в госпиталь начали поступать бойцы с ОРВИ, бронхитами и даже пневмониями, что вполне объяснимо – ведь в окопах нет парового отопления, да и в блиндажах или землянках тоже не жарко, особенно, если идет проливной дождь, а сушить мокрую одежду и обмундирование просто негде. Пока они у нас лечились в условиях дневного стационара, но мест уже не хватало, а впереди были осень и зима.

Таким образом, у нас возникла производственная необходимость в открытии терапевтического отделения. С 11 августа 2014 года я была главным врачом госпиталя, и поэтому вынесла этот вопрос на обсуждение во время одной из наших утренних «пятиминуток». К тому времени у нас в госпитале уже было заведено проводить утренние короткие совещания, так называемые «пятиминутки», на которых дежурная бригада отчитывалась о всех поступивших за ночь; заведующие отделениями – о работе своих отделений (сколько пациентов на лечении, какие есть проблемы, кого из раненых нужно дополнительно обследовать, кого – готовить на эвакуацию в РФ и т.д.); пищеблок – о проблемах со снабжением госпиталя продуктами питания; медсклад – о наличии лекарств; завхоз – о своих проблемах.

Константин Сергеевич сразу же поддержал идею открытия терапевтического отделения и даже предложил место, где его можно было расположить – в соседнем одноэтажном корпусе Областного кардиологического диспансера (к слову сказать, частного медицинского учреждения), который на тот момент стоял абсолютно пустым.

– Ну что же, дорогой Константин Сергеевич, вы предложили – вам и создавать это отделение, – говорю. – Считаю, что доктор Ставинский – самая подходящая кандидатура на должность заведующего терапевтическим отделением. Ни у кого из коллег возражений нет? Вот и отлично! Отдел кадров, пишите приказ о назначении Ставинского Константина Сергеевича, кандидата медицинских наук, врача кардиореаниматолога, заведующим вновь созданного терапевтического отделения на 30 коек – с 15 августа 2014 года. Поздравляю вас, Константин Сергеевич!

В ординаторской раздались дружные аплодисменты. Мужчины радостно пожимали Косте руку, женщины просто улыбались, ведь о лучшем заведующем нам и не мечталось. До прихода в госпиталь Константин Сергеевич Ставинский много лет работал в отделении кардиологии Института неотложной и восстановительной хирургии Донецка. Замечательный терапевт и кардиолог, врач от бога – Константин Сергеевич за свою врачебную деятельность в мирное довоенное время спас жизнь многим людям, которые до сих пор вспоминают его с благодарностью.

Итак, первой задачей для новоиспеченного заведующего терапевтическим отделением было развернуть свое отделение. Сразу скажу, задача была не из лёгких, потому что нужно было преодолеть барьер яростного сопротивления главного врача этого самого частного кардиологического диспансера Маяковой Ольги Михайловны. К ней мы пошли с Константином Сергеевичем вместе.

Ольга Михайловна приняла нас без особого энтузиазма. Долго рассказывала о том, насколько важен этот диспансер, какие знаковые люди здесь лечатся, что это – частная территория, и мы не имеем права её занимать…

– Уважаемая коллега! – обратился к ней Константин Сергеевич. – Вы знаете, что по закону военного времени любая территория перестаёт быть частной? Или вы будете самостоятельно защищать свою частную территорию, когда, не дай бог, в город зайдут «укропы»? Вы же и сейчас не пошли защищать нашу общую землю. За вас это делают те самые ребята, которые лежат в соседнем корпусе, раненые, и которым уже не хватает места. А вы сидите тут одна и охраняете эти стены, эти пустые палаты, которые так нужны нашим защитникам! Мы думаем, что ваш хозяин или хозяйка этого частного диспансера не будут возражать против того, чтобы он использовался по назначению, то есть для лечения больных. Да нам и не нужно всё здание, нужно только одно его крыло. Нам хватит.

После такой пламенной Костиной речи Маяковой уже трудно было возразить. Тем более, что у дверей стояли два наших бойца с автоматами. Их мы взяли с собой для большей «убедительности», тем более что автоматы были не заряжены, но впечатление производили.

– Ну, что, коллега, пойдёмте посмотрим апартаменты, которые вы нам сдадите на время? – обратился Константин Сергеевич к Маяковой со своей очаровательной улыбкой.

– А кто мне даст гарантии, что там будет полный порядок, и что после… ну, этого… окончания вашего пребывания там, мне всё вернут в целости и сохранности? – не унималась Маякова.

– Я, – коротко и чётко ответил Костя. – Я даю вам честное благородное слово, как коллега и заведующий отделением, что здесь будет полный порядок, и из вашего имущества ничего не пропадет. А судя по нашей ситуации, вы еще что-нибудь от нас и приобретёте.

И мы пошли смотреть территорию будущего терапевтического отделения. Осматривая палаты для больных, мы поняли, что там давно уже никто не лежал, а если и лежал, то только один-два часа, не более. Может быть, для того чтобы получить капельницу или инъекции, то есть палаты выполняли роль дневного стационара. Почему мы так решили? Потому что в большинстве палат краны с водопроводной водой не работали – они открывались, но вода из них не текла, а если и начинала течь, то не вода, а какая-то ржавая густая жижа. Унитазы во многих палатах просто не смывали, и судя по отсутствию воды в бачках, ими уже давно никто не пользовался. Хотя в самих палатах было чисто, видно было, что в них был сделан чисто косметический ремонт (поклеены новые обои, что в больницах, кстати, запрещено и не соответствует санитарно-гигиеническим нормам), кое-где была новая мебель в виде прикроватных тумбочек и столов.

Всё это мы показали Маяковой, на что она, ничуть не смутившись, ответила:

– Да, мы только начали ремонт в этом крыле. Но не успели закончить.

– Ну что ж, значит, мы закончим, – сказал Константин Сергеевич и принялся за дело.

Прежде всего они с Александром Фёдоровичем, нашим завхозом и одновременно электриком, сантехником, плотником, столяром, словом, на-все-руки-мастером, прошли по всем палатам и другим помещениям и проверили, где что неисправно и какие работы нужно произвести, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность в этом отделении. В палаты с более-менее нормальными условиями мы перевели выздоравливающих, которые были выделены в помощь Александру Фёдоровичу на все посильные для них работы.

Константин Сергеевич очень быстро подобрал себе персонал, особенно – средний и младший, на кого ложилась основная нагрузка по лечению пациентов. Под руководством старшей медсестры отделения Бельской Анжелы Леонидовны и сестры-хозяйки Ставинской Юлии Леонидовны медперсонал совместно с пациентами очень оперативно перенесли всё необходимое из нашего основного корпуса и развернули отделение буквально за один день. Пока больных было немного, 18 человек, готовили палаты для будущих пациентов и помещения для медперсонала.

Вместе с Константином Сергеевичем в терапевтическое отделение перешла работать врач-эндокринолог Джамбек Надежда Ивановна, а чуть позже пришли молодые доктора-терапевты, вчерашние выпускники Донецкого национального медицинского университета – Гасендич Екатерина Сергеевна и Эль-Хатиб Марьям Адиаи Ибрагим, которые на ходу учились у своих старших коллег искусству лечения внутренних болезней в условиях войны.

Уже на следующий день, 16 августа 2014 года, заведующий терапевтическим отделением Константин Сергеевич Ставинский бодро рапортовал на утренней «пятиминутке»:

– Задание выполнено – терапевтическое отделение на 30 коек развернуто. На сегодня, 16 августа, на утро в отделении 23 пациента. – И уже с улыбкой дальше продолжил: – Приглашаю всех на свой фирменный кофе в ординаторскую!

– Константин Сергеевич, – говорю, – за приглашение на кофе – спасибо! А проблемы у вас какие?

– А проблемы свои мы решаем по мере их поступления, – уже серьезно ответил Костя. – Вот нам не хватает, например, кроватей, матрацев и подушек. Я поделился этой проблемой со Скифом. А он мне сказал, что его ребята-разведчики где-то за Макеевкой обнаружили разбомблённый брошенный пионерский лагерь. Там много разрушенных помещений, в них, наверное, можно найти целые кровати с матрацами и подушками.

– Ну что ж, отправляем «десант» в пионерский лагерь за кроватями и матрацами? – спрашиваю у своих коллег.

– А почему бы и нет? – отвечает наш завхоз Александр Фёдорович. – Транспорт у нас есть – грузовая газель, нам её ребята с передовой подогнали, на всякие хозяйственные нужды. Дайте нам пару охранников с автоматами на всякий случай, и мы поехали.

– Но ведь это очень опасно, – говорю. – Обстрелы там продолжаются, в любую минуту может «прилететь».

– Кто не рискует, тот… ну, а дальше вы знаете! – подмигивает Александр Фёдорович. – Ну, а если серьезно, то где мы ещё можем взять такое количество кроватей? Никто нам их сейчас не подарит. Мы будем предельно осторожны. Обещаем вернуться живыми.

И они уехали. Честно сказать, душа моя была не на месте. Я уже себя ругала, на чём свет стоит, что согласилась с этим авантюрным предложением и послала людей в очень опасное для жизни место. Всё время, пока их не было, я шептала молитвы и просила Бога лишь об одном – чтобы все они вернулись живыми.

И вот, спустя несколько часов, во двор госпиталя въехала грузовая газель, до отказа забитая кроватями, матрацами, какими-то тумбочками, вешалками и прочим «добром»? Мы с Константином Сергеевичем вышли ей навстречу:

– Ребята, дорогие, где вы столько всего нашли?

Из газели выпрыгнул уставший, но очень довольный Александр Фёдорович и, показывая на привезенные «трофеи», весело произнёс:

– Вот, махнули, не глядя. Принимай кровати, Сергеич!

В тот день они привезли в госпиталь 30 кроватей с матрацами, несколько прикроватных тумбочек, вешалки для одежды, которые нам очень пригодились в дальнейшем, особенно осенью и зимой, когда в терапевтическом отделении, рассчитанном на 30 коек, фактически лежали на лечении до 45-50 больных.

Константин Сергеевич был на десятом небе от счастья. Он тут же организовал разгрузку этого воистину бесценного груза силами мужской части сотрудников и своих пациентов, и сам принимал в разгрузке самое активное участие. А когда всё привезенное было занесено в отделение и аккуратно сложено вдоль стен (чтобы потом, не спеша, собрать и расставить по палатам), Костя пригласил нас к себе в крохотную ординаторскую (большие, просторные помещения он отвёл под палаты, а для врачей и для себя выделил маленькую комнату) на свой фирменный кофе.

И пока мы наблюдали за процессом приготовления кофе по-Ставинскому и вдыхали распространяющийся по отделению аромат, Александр Фёдорович рассказал нам, *как* они добывали эти «трофеи»:

– Действительно, там когда-то был детский оздоровительный лагерь. Там несколько спальных корпусов. Судя по всему, он готовился к открытию, поскольку в корпусах стояли кровати с матрацами и подушками. Но больше ничего там не было – ни одеял, ни постельного белья, никакого другого инвентаря. Может, его и хотели на лето открыть для детей, но не успели из-за начавшейся войны. По лагерю стреляли – то ли целенаправленно, то ли случайно. Но мы шли по дорожкам, как по минному полю, потому что то и дело натыкались на «градины» (снаряды от СЗО «Град» – *авт.*), где-то – осколки, а где-то – и не разорвавшиеся, целые, торчащие из асфальта, как ананас на грядке.

– Как же вы в таких условиях носили все эти кровати? Они же тяжелые! Как прошли через лабиринт из «градин»?

– Да уж как-то смогли, – устало улыбнулся наш завхоз, – наверное, с Божьей помощью. Очень уж хотелось, чтобы нашим ребятам было на чём спать!

Я слушала его рассказ, мысленно представляя, как они идут по этому воистину минному полю, и думала: «Какие же замечательные люди собрались у нас! Каждый – неповторимая уникальная личность, но в то же время каждый готов пожертвовать собой ради других. Вот Константин Сергеевич – удивительный и очень успешный врач. Он ведь мог, как некоторые его коллеги, уехать от войны в Киев или в Москву, и был бы там очень востребован, и получал бы хорошую зарплату, и жил бы под мирным небом, и работал бы в шикарной клинике. А вместо этого он пришёл в наш госпиталь и абсолютно безвозмездно, бесплатно, лечит раненых, контуженных, больных ополченцев, при этом еще беспокоится о создании нормальных условий для своих пациентов и для коллег. Или Александр Фёдорович – высококлассный специалист, мастер на все руки, всю свою жизнь посвятил мирной профессии строителя. Тоже мог бы уехать куда-то далеко, где не стреляют, и где не рвутся снаряды во дворе твоего дома по ночам. Но вот пришёл в госпиталь и практически в одиночку поддерживает всё коммунальное хозяйство госпиталя. Да ещё и ездит в опасные места, чтобы раздобыть что-то полезное для всех. Что же движет всеми этими людьми? Что движет всеми нами, кто не сбежал, кто остался, и кто честно исполняет свой долг?».

Мои размышления прервал Константин Сергеевич, который уже разлил в чашки свой фирменный кофе и, подавая мне чашку, произнёс:

– А у меня есть тост. Давайте выпьем за сегодняшний день! Он был замечательный! Мы столько сделали для наших больных!

– Первый раз буду чокаться за тост чашечкой кофе! – развеселился Александр Фёдорович.

– А коньячок я туда уже налил! – вдруг лукаво подмигивает Константин Сергеевич.

…В сентябре 2014-го Константин Сергеевич Ставинский всё-таки ушёл на передовую военврачом. Он осуществил свою мечту – быть рядом с бойцами, быть там, где труднее и опаснее всего. Потом несколько раз он приезжал в госпиталь – привозил раненых, пополнял свой запас медикаментов. Девчонки из медсклада всегда старались выдать ему побольше лекарств, зная, что в воинских частях у ополченцев с лекарствами очень напряжённо. Один раз Костя даже забрал со склада портативный наркозно-дыхательный аппарат РО-5, который каким-то чудом попал к нам по гуманитарной помощи.

– В нашем хозяйстве всё сгодится, – сказал Константин Сергеевич. – На передовой ненужного не бывает.

…Он погиб 29 января 2015 года под Никишино. Подлым снайперским выстрелом был убит ночью, когда вышел на крыльцо покурить. Говорят, что снайпером была женщина…

Хоронили Костю всем госпиталем. Сказать, что мы потеряли боевого товарища – это ничего не сказать. Мы потеряли замечательного, талантливого Врача, верного Друга, прекрасного Человека, которого уже никто не сможет заменить! И в этом жестокая правда войны.

Прошло уже много времени, а рана в душе, вызванная этой потерей, не заживает. Как-то, готовясь отметить годовщину образования нашего госпиталя, я искала стихи о военных врачах. И первое стихотворение, которое мне попалось на глаза, пронзило меня до глубины души. Да это же о нём, о нашем Константине Сергеевиче! И хотя написано оно было поэтом Семёном Гудзенко в годы Великой Отечественной войны, было впечатление, что посвящено оно именно нашему Косте – военному врачу Константину Сергеевичу Ставинскому.

На снегу белизны госпитальной
умирал военврач, умирал военврач.
Ты не плачь о нём,
девушка, в городе дальнем,
о своём ненаглядном,
о милом не плачь.
Наклонились над ним
два сапера с бинтами,
и шершавые руки коснулись плеча.
Только птицы кричат
в тишине за холмами.
Только двое живых
над убитым молчат.
Это он их лечил
в полевом медсанбате,
по ночам приходил, говорил о тебе,
о военной судьбе, о соседней палате
и опять о весёлой военной судьбе.
Ты не плачь о нём,
девушка, в городе дальнем,
о своём ненаглядном,
о милом не плачь.
…Одного человека не спас военврач –
он лежит на снегу
белизны госпитальной.